

Часть I

КАК Я СТАЛ АВТОРОМ-ОПЕРАТОРОМ

*Что повлияло на выбор профессии? Откуда истоки познания?
Работа на студии. Учёба во ВГИКе. Чужой среди своих.*

Все мы родом из детства

- А ты кто такой?

И. Ильф, Е. Петров «Золотой телёнок»

В детстве закладываются в основном все программы поведения в будущей жизни, почти так же как в пустой файл компьютера записываются определённые образы. Потом на одни и те же жизненные ситуации, каждый из нас реагирует по своему «файлу». Для одного нет зверя страшнее собаки (его собака в детстве укусила), для другого собака лучший друг (его собака спасла при пожаре).

Первые записи в «файл». Нарисовал каляки-маляки - начало живописного увлечения, кружение - что-то близкое к танцам, игра в кубики - склонность к архитектуре и т.д. «Файл» заполняется.

Ой, как трудно их потом удалить в корзину!

Проходят годы... Увлечённая учёба, нудная работа, интересные съёмки передач... и вдруг, оказывается, что самое стоящее было в детстве.

Помню, как будто это было вчера, 9 мая 1945 года.

Раннее солнечное утро. Мне 7 лет. Надо побыстрее занять плот, что в луже между улицей Фасадной и железной дорогой, по которой время от времени шли поезда с фронта, с разбитыми немецкими танками на переправку в город Сталинск на КМК.

Никого нет. Беру шест. Выплываю на середину.

Тут со стороны железной дороги появляется Юра Попов. Потом он стал одним из лучших футболистов нашей седьмой школы. Витя Черномырдин и Володя Черемнов (будущие футболисты команды «Кузбасс») уступали ему по силе удара. При мне Юрка мячом сломал штангу ворот.

Так вот. В то утро он стал кричать, чтобы я отдал ему плот. Я отплываю дальше. Он начинает бросать в меня гальки.

Я как могу - уклоняюсь. Но когда отвернулся... Надо же! Одна из них угодила мне в голову. С разбитой головой, весь в крови, я выполз на улицу Фасадную. А там какая-то безумная радость! Многие обнимаются-целуются. Подходит ко мне незнакомая тётя, берёт на руки и со слезами на глазах несёт домой. Благо мы жили недалеко, на улице Калинина. С той поры для меня солнечный день 9 мая 1945 года - праздник «со слезами на глазах».

№ 2. Я с мамой в возрасте 7 лет

Когда я был совсем маленький, то, показывая картинки из книжки няне, говорил, что это кино. Правда, я этого не помню, мама рассказывала, да и кино тогда в глаза не видел.

Потом уже, в школе, не пропускал ни одного фильма, даже документального. Часто сбегал с уроков, а деньги на билеты просто воровал у матери. Билет стоил всего 10 копеек. Помню в кинотеатре им. Островского были ночные сеансы в 12 и 1.40 ночи. Иногда удавалось прорваться в зал мимо глухонемого контролёра и увидеть «запрещённый» фильм.

Какие это были фильмы!

«Тарзан», «Тарзан в западне», «Под кардинальской мантией», «У стен Малопаги», «Три мушкетёра», «Багдадский вор», «Девушка моей мечты», «Королевские пираты», «Расплата», «Большой вальс» и много-много других.

Перед началом фильмов обычно стоял титр: «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома Советской Армией немецко-фашистских войск под Берлином».

Никогда не забуду русские фильмы: «Поликушка», «Маскарад», «Отец Сергей», «Бесприданница», «Чапаев», «Вратарь», «Цирк», «Потомок Чингисхана», «Путёвка в жизнь», «Мы из Кронштадта», «Иван Грозный» и т.д.

Здесь можно бесконечно продолжать перечисление фильмов.

Приведу строчки из письма Бориса Бычкова. Он один из первых прокопчан кто поступил во ВГИК на очное отделение кинооператорского факультета в мастерскую Леонида Косматова.

«...Я тоже помню, что контролёр в кинотеатре им. Николая Островского точно был глухонемой.

А ты помнишь, какой прекрасный это был кинотеатр, целый зрелищный комплекс - перед каждым вечерним сеансом в дальнем фойе играл эстрадный оркестр, вел конференс и пел Борис Борецкий. В оркестре была немолодая, но красивая пианистка, похожая на Нани Брегвадзе, и статный, красивый барабанищик, похожий на Че Гевару, только без бороды?

А как прекрасно работало устройство медленного гашения света перед демонстрацией фильма - просто волшебство!

А помнишь, какой был психоз, когда шли четыре серии про Тарзана, какие были очереди, как потом орала пацаны, забирались на деревья или сараи, подражая Тарзану?»

Как и все пацаны, я ходил во Дворец пионеров. Там были «...драмкружок, кружок по фото, мне ещё и петь охота...»

В фотокружок я почему-то в школьные годы не ходил.

Балетным позициям научила Галина Васильевна (фамилию её к своему стыду забыл). Помню, тогда она ещё обучала танцам в Новокузнецке Владимира Шубарина.

Учился я и музыке. Учитель был из пленных немцев. Адольф Фокардлович (фамилию забыл). Он ходил по домам нашего под странным названием посёлка Изопропункт и обучал бестолковых детей музыке. Говорили, что он бывший дирижёр Великого германского оркестра. У него я и научился нотной грамоте, играть гаммы и кое-какие мелодии на аккордеоне.

Из дерева и двух линз я смастерил самодельный телескоп. Почему-то луна в нём была мокрая. На небо мало смотрел, в основном подсматривал за поведением людей. Чем не скрытая камера? Только изображение было вверх ногами.

Но, главное это КИНО. Пусть это будет даже диафильм.

Помню, увидел первый диафильм «Волк и лиса» у дальних родственников в посёлке Спиченково в узком, длинном коридоре высоко под потолком. Помню даже запах от лампы фильмоскопа.

Оказывается не я один был такой, кто балдел от диафильмов.

Получаю письмо от Бори Бычкова. Он пишет:

«Когда мне было лет 11-12, мне купили фильмоскоп и несколько диафильмов, среди них было два особенно жалостливых, первый - «Батрачка» по Т.Г. Шевченко. Бедная девушка нагуляла сына и подбросила его к одиноким старикам и нанялась к ним в батрачки и только умирая, призналась сыну, что она его родная мать».

Начинался этот диафильм так:

*В воскресенье рано-рано
Поле крылось туманом
И стояла во тумане
Словно тополь на кургане
Молодица молодая
Что-то к сердцу прижимая...*

«Второй,- продолжает Боря, - «Девочка из города». У ребёнка во время бомбёжки погибли родители, и её удочерила другая женищина.

И вот, если в солнечный день поймать «солнечный зайчик» маленьким зеркалом и направить его в открытую заднюю стенку фильмоскопа и всё это направить на белёную белую стену, например в притемнённое пространство под кроватью, то на стене возникает яркое чёткое изображение 50х60 см.

Домашний кинотеатр! Бабушка моя, Пелагея Петровна, была очень уважаемый человек, к ней приходили многочисленные подруги, и если был солнечный день, я устраивал киносеанс.

Зрительницы ложились на пол, чтобы удобно было лежать, они подкладывали какую-нибудь старую одежду, и я показывал эти два диафильма, с выражением и в лицах читал подписи.

Успех был потрясающий, некоторые приходили по несколько раз и просили повторить. Глядя и слушая меня, они плакали, сморкались, один раз одной женщине стало плохо, и мы отхаживали её нашатырным спиртом. Уходили и гладили меня по голове, говорили, что я молодец, но безотцовщина.

Вскоре обо мне пошла двусмысленная слава, стали говорить: «У Егоровны внучек под кроватью такое показывает, что без слёз смотреть невозможно!» Я прекратил сеансы и сказал бабушке, что если они будут просить, чтобы сказала, что я сломал аппарат».

У меня первый фильмоскоп был самодельным. Вместо объектива чёрный лист бумаги с дыркой, проткнутой простой иглой, как в камере обскура. Чем меньше было отверстие, тем резче было изображение, но яркость хуже.

В отличие от Бориса я под кроватью кина не показывал, слезы у бабушек не вызывал и деньги за просмотр не брал. У меня другие были зрители - мальчишки и девчонки с улицы Марии Старцевой. Многие ленты, как «Семён Дежнёв», «Счастливое плавание», «Сын полка» и другие озвучивал музыкой с пластинок. На экране появлялся титр, я заводил радиолу и звучала музыка Дунаевского из фильма «Дети капитана Гранта»...

Как жаль, что с детства нас учат только говорить, но не видеть.

Научно-популярные лекции в ДК Артёма о живописи мало что давали. Книг было мало. Первая книга по кино, которую я сам купил, была «История кино» Жоржа Садуля. Я мало, что понимал в ней. Читать книги, в которых рассказывается о фильмах, которые ты не видел, малоинтересное занятие.

Как-то роюсь в комодке нашел кусочек киноплёнки старого фильма с изображением красивой женщины в папаше.

Какое это было счастье! Я хранил эту плёнку как драгоценность. Подумать только, что эта другая жизнь была так привлекательна!

Однажды в газете «Пионерская правда» прочитал маленькую заметку «Как самому снять и показать кинофильм».

И пошло и поехало...

Сам смастерил деревянную камеру для съёмок на 16 миллиметровую плёнку. Вырезал зубчатые барабаны, выдумывал какие-то рейферные механизмы, чертил, пилил, строгал - всё для того, чтобы узнать, как самому снять и показать кинофильм.

Снимал этой камерой и через неё же показывал друзьям первые движущиеся картинки.

Один из первых снятых кадров. Мы с другом по прозвищу Пират устроили драку на краю обвала. Ручку аппарата крутил мой младший брат Алька.

№ 3. На съёмке первых кадров

Потом придумал широкоэкранную систему кинематографа. Ещё в 1956 году сделал широкоэкранную камеру и назвал её «Кадр-35-235». Подробнее об этом в главе «Река по имени КИНО». Здесь же отмечу лишь то, что широкоэкранного кино тогда у нас в Прокопьевске ещё не было.

Не зная азов киносъёмок, нагло задумал снять фильм по рассказу Проспера Мериме «Матео Фальконе». Нарисовал кадры на бумаге, слева картинки, справа текст и музыка. Жаль, не сохранил.

Снял десятиминутный фильм - поход на Поднебесные Зубья «Умный в гору не пойдёт...» Пробовал ещё что-то снять о шахте Калинина, но дальше задумок дело не пошло.

Увлёкся фотографией.

На этот раз фотокамера была не самодельная.

Вначале это был фотоаппарат «Любитель». С него можно было печатать снимки 6×6 без увеличения. Потом мне мама купила зеркальный «Зенит».

Им-то я и наснимал эти фотографии.

№ 4. Вовка

№ 5. Зимний день

№ 6. Толкачи.

№ 7. Лена

№ 8. Малина с молоком

№ 9. Бой с петухом

№ 10. Мои друзья

№ 11. Открытка, которую продавали немые.

№ 12. Моя улица

№ 13. Пейзаж с сосной

№ 14. Вечер

№ 15. Таня

№ 16. Перекур

№ 17. После дождя

№ 18. Село Ижморка

№ 19. Поднебесные Зубья

№ 20. В Москву за песнями

№ 21. Художник

Наивно мечтал учиться во ВГИКе. Мечтать не вредно.

Мать сказала: «Пока приличную профессию не получишь, ни о каком ВГИКе и не мечтай».

Родственники мне говорили: «Зачем тебе это? Будешь в лучшем случае показывать кино в Островском. Вначале надо получить достойную денежную профессию!»

Какую? Конечно, шахтёрскую.

Так я отучился в Прокопьевском горном техникуме.

Маркшейдер из меня получился некудышный. После учёбы я, как положено, три года тянул лямку геодезиста. Полевые работы ещё куда ни шло. Геодезические приборы чем-то напоминали съёмочную технику - такой же штатив, такая же оптика.

А вот работа в кабинете крутить ручку арифмометра, считать теодолитные хода скука несусветная. В обеденное время от камеральных работ сбегал в кино. Купишь, бывало два пирожка с повидлом и стаканчик мороженого, вот и весь обед в зрительном зале. Смотрел всё подряд - лишь бы КИНО было.

Это были и первые тупые китайские фильмы как «Стальной солдат», или «Седая девушка». Много смотрел заморских фильмов про балет на льду. Попадалась и классика мирового кино: «Тупик», «Три мушкетёра», «Королевские пираты». Наши фильмы: «Сельская учительница», «Падение Берлина», «Молодая гвардия» и ещё много-много игровых и документальных фильмов.

У меня был сосед Линка Булыгин. Сколько ему не говорили, что в кино играют актёры и всё не по настоящему, он упрямо по несколько раз ходил на «Чапаева», всё надеялся, что тот выплывет.

И по несколько раз смотрел «Утраченные грёзы» считая, что вот-вот в следующий раз обнажённая героиня выглянет из-за камня во весь рост. Я же фильм «Чапаев» посмотрел раз пятнадцать. Это было ещё в школе. Меня просто выгнали с уроков и я целую неделю ходил на «Чапаева». Если было четыре урока, то два сеанса в кино, если шесть, то три сеанса.

Таким образом, я фильм «Чапаев» знаю почти наизусть.

Если Горький говорил, что «всем хорошим в себе я обязан книгам», то я обязан фильмам.

Стал наведываться во Дворец пионеров. Об этом мне напомнил в своём письме Боря Бычков, правда, не мне, а моей лучшей половине.

«Нас познакомил руководитель фотостудии прокопьевского Дворца пионеров Ростислав Теодорович Маслов – крупный, красивый мужчина, лет пятидесяти, с голубыми глазами, с интеллигентными манерами и доброй улыбкой».

Добавлю. У нас в школе Ростислав Теодорович преподавал немецкий язык. Он меня часто ласково называл Gross Faulpelz, что в переводе означает Большой Дурак.

«Я иногда приходил к нему, когда возникали вопросы по фотографии. Однажды он мне представил высокого улыбающегося молодого человека (у них улыбки были даже похожи): «Это Юра Светлаков, который хочет стать кинооператором, а это Боря Бычков, который хочет того же самого!»

Два года разницы в наших возрастах в то время нас значительно отличала. К тому же я был сублильным и плохо одетым – это было поводом для комплекса неполноценности.

Да и недоброжелатели про меня судачили: «Ну, прям чё попал! Этот-то собирается в Москве учиться!». Но в поведении Ростислава Теодоровича и Юры не было никакого высокомерия, оба были уважительны и внимательны. Я был повергнут в уныние, что Юра даже кинокамеру изобрёл, до чего я даже помышлять не мог!»

Все эти перечисления событий, что сегодня нарисовала мне память - записанные «файлы». Каждый из нас привязан к своему «файлу», к своей точке зрения, к своей правде.

К тому времени я твёрдо решил сменить профессию.